

10 / 11 М.

Памяти Коммиссаржевской.

Сегодня — годъ, какъ гдѣ-то тамъ, у самаго дальняго рубежа Россіи, распалась въ немногіе дни благородная, чуждая, далеко не изжитая жизнь: послѣ недолгой напрасной борьбы со страшной болѣзью погибла прекрасная царица русскаго театра.

Тревоги, заботы, труды и шумъ пестрыхъ дней, — всевластные надъ живущими, — отвели, конечно, мысль отъ ташкентской трагедіи, столько же жестокой, сколько и бессмысленной, и отъ ея жертвы. Какъ-будто Вѣра Федоровна раздѣлила уже долю всѣхъ уходящихъ, стала позабываться... Но вотъ календарная цифра вернула вниманіе и мысль къ этой ранней смерти, и опять обострилась вся боль. И долго еще не заживетъ рана у русскоѣ сцены, у русскаго искусства, долго не пройдетъ боль, вызванная этой утратой, незамѣненной и незамѣнимой. Для зрителя нашего поколѣнія, для тѣхъ, предъ кѣмъ Коммиссаржевская расточала свой чудный талантъ, свои очаровательныя вдохновенія, обрзовавшаяся съ ея смертью пустота останется всегда незаполненной, будетъ всегда такъ же зять, какъ зяла въ этотъ первый годъ.

Той послѣдней трагедіи, которой мѣстомъ послужилъ Ташкентъ и которой скорбная годовщина — сегодня, предшествовала другая трагедія. Глубокая, многозначительная. Въ этой трагедіи истерзала душа дорогой артистки въ послѣдніе ея земные мѣсяцы. Лишь слабымъ выраженіемъ этой трагедіи было огласившееся рѣшеніе Вѣры Федоровны, — бросить театръ, уйти со сцены. Тогда много и по-разному говорили и писали на эту тему, по поводу этого, будто бы совершенно неожиданнаго, а для нѣкоторыхъ — даже только капризнаго рѣшенія. Не спясясь вскорѣ этотъ ташкентскій ужасъ, не настигни ее другая «трагедія», Вѣра Федоровна, конечно, пересмотрѣла бы свое рѣшеніе, нашла бы какой-нибудь иной выходъ. Но и кратковременное, это рѣшеніе Коммиссаржевской «уйти» представляется многозначительнымъ и знамена-

тельнымъ. Потому что въ немъ отразилось разочарованіе не въ данномъ театрѣ, не въ той обстановкѣ, въ которой протекало въ послѣдніе годы сценическое творчество прекрасной царицы, а въ самомъ искусствѣ сцены, въ самой душѣ театра...

И, конечно, Коммиссаржевская только острѣе чувствовала то самое, что мучительно носить въ себѣ многіе и многіе, лучшіе, служители сцены. Подвернуты безопадному сомнѣнію все еще недавно казавшіеся святыми завѣты, «щепкинскіе» и всякіе иные, и нѣтъ впереді яснаго маяка, на который можно бы увѣренно держать путь...

Ни въ комъ эта трагедія современнаго актера не была такъ явственна, такъ остра, мучительна, но и такъ значительна, какъ въ Коммиссаржевской. И какое громадное несчастье для всего русскаго сценическаго искусства, что бессмысленная оспа, вдругъ захватившая въ свои когти Коммиссаржевскую, не дала ей, переживъ эту трагедію до конца, вновь узнать чистую радость сценическаго творчества. Коммиссаржевская была не изъ тѣхъ, которые мирятся на отрицательномъ выводѣ, которые могутъ успокоиться на томъ, чтобы махнуть на себя рукой и замереть въ отрицаніи. Она непременно, всемъ переболѣвъ, можетъ быть, открывъ свою душу для еще болѣе страшныхъ трагическихъ столбняковъ, кончила бы тѣмъ, что нашла бы вѣрный выходъ, примирила бы противорѣчія, открыла ясный смыслъ и твердый путь. И то, что Коммиссаржевская едѣлала бы для себя, въ своемъ художественномъ самосохраненіи, — это послужило бы на пользу всѣмъ мятущимся, не знающимъ, сомнѣвающимся, терзающимся.

Но случилось иначе. Коммиссаржевская не дошла до радостнаго разрѣшенія этой своей трагедіи. И мы, кому была она и осталась такъ дорога, которые такъ нѣжно любили ея талантъ и такъ

скорбно о немъ теперь вспоминаемъ, — пришли къ ея могилѣ, опустили туда тѣлесную оболочку этого вѣчно мятущагося, неутолимо жаднаго къ красотѣ и правдѣ духа...